

Σ

$\frac{90}{12}$

τ1

ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЯГО ХУДОЖЕСТВА
ВЪ РОССІИ.

СОБРАНИЕ РИСУНКОВЪ СЪ ЦЕРКОВНЫХЪ И ДОМАШНИХЪ УТВАРЕЙ, СВ. КРЕСТОВЪ, ПРЕДМЕТОВЪ ИКОНОПИСИ, ИКОНО-
СТАСОВЪ; ДЕТАЛЬНЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЧАСТЕЙ ЗДАНІЙ; УКРАШЕНІЯ, ОБРАЗЦЫ МЕБЕЛИ И ДРУГИХЪ ПРИ-
НАДЛЕЖНОСТЕЙ СТАРИННАГО РУССКАГО БЫТА.

ИЗДАНИЕ

А. А. Мартынова.

Текстъ соч. И. М. СНЕГИРЕВА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Вдовольствей Московскои Городской Печати.

1850.

2007058360

№ $\frac{90}{12}$

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ, ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ.

АЛЕКСЕЙ МАРТИНОВЪ,

Членъ-Корреспондентъ ИМПЕРАТОРСКАГО Археологическаго Общества.

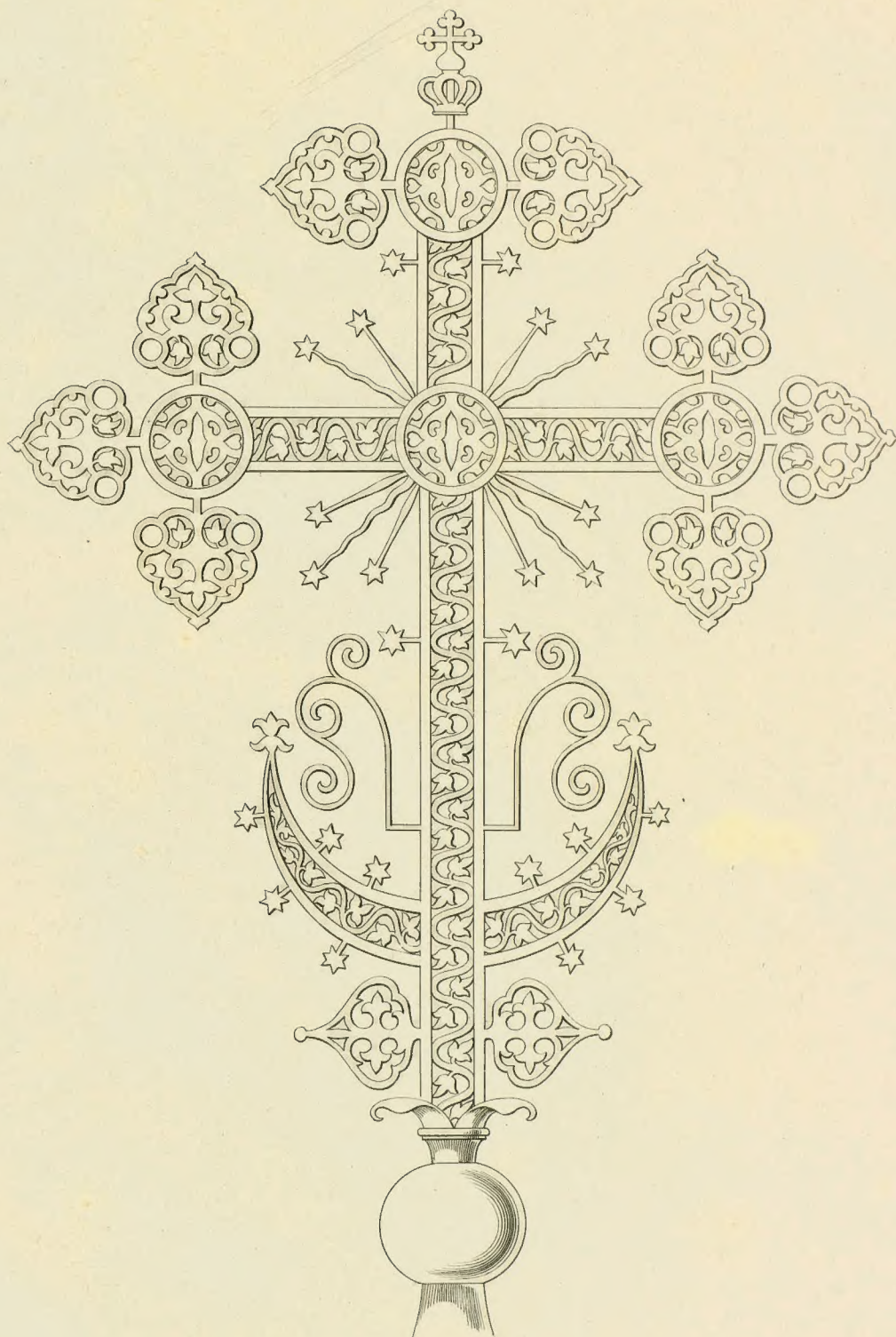
В В Е Д Е Н І Е.

Въ «Русской Старинѣ» представлены нами виды разныхъ древнихъ и старинныхъ зданій церковнаго и гражданскаго зодчества безъ изображенія отдѣльно частей ихъ въ деталяхъ, замѣчательныхъ по сочиненію и выполненію, важныхъ по отношенію къ цѣлому и частямъ. Въ теченіе того времени, какъ выходило изданіе, нѣкоторые изъ памятниковъ уже не существуютъ и сохранились только въ рисункахъ «Русской Старины»; на примѣръ, Московскія церкви: Рождества Іоанна Предтечи въ Кремлѣ, Св. Николая Явленнаго на Арбатѣ, при домѣ Нарышкина на Вздвиженкѣ.

Въ предлагаемомъ же изданіи, состоящемъ въ связи съ первымъ, будутъ помѣщаться разные предметы древняго художества въ Россіи: 1) части памятниковъ зодчества въ Россіи, стѣны надпрестольныя, крылосы, двери, окна съ ихъ архивольтами, сандриками и наличниками, подзоры, карнизы, капители, фризы, колонны и домашняя утварь; 2) произведенія ваянія, рѣзьба на деревѣ, кости, камняхъ и металлахъ, оброннаго, сканнаго и басемнаго дѣла; 3) литейнаго искусства и 4) церковной живописи, мозаики и пенины.

Въ наше время, когда уже оцѣнена наукою важность и достоинство памятниковъ древняго художества, когда уже они сдѣлались предметомъ изученія и изслѣдованія, кажется излишнимъ было бы здѣсь распространяться о пользѣ и занимательности такого изданія для художника, знатока и любителя: одинъ найдетъ здѣсь матеріалы для подражанія и воспроизведенія, другіе для изученія и наблюденія. Въ произведеніяхъ художества имъ представится *замышленіе* художника, цѣль и значеніе памятника, его особенности, вліяніе того или другаго стиля, потомъ отношеніе къ вѣку, мѣстности и личности, къ быту религіозному, общественному и семейному, слѣдственно къ вѣрованіямъ, обычаямъ и правамъ. Присовокупите къ тому загадочный символизмъ художества, коимъ нерѣдко запечатлѣвались на Руси памятники искусства: давая пищу уму и воображенію, онъ вводитъ насъ въ область духа, знакомитъ насъ съ воззрѣніями и понятіями предковъ.

Для этой цѣли въ слѣдующей тетради помѣщено будетъ *Обозрѣніе исторіи художества въ Россіи до Петра I.*

КРЕСТЪ НАДЪ ГЛАВОЮ ЦЕРКВИ ГРЕБНЕВСКІЯ БОГОМАТЕРИ,
въ Москвѣ.

КРЕСТЪ НАДЪ ГЛАВОЮ ЦЕРКВИ

ГРЕБНЕВСКІЯ БОГОМАТЕРИ,

ВЪ МОСКВѢ.

Изображенный на рисункѣ крестъ осяняетъ главу древняго храма во имя Гребневскія Богоматери, который описанъ въ седьмой тетради «Русской Старины.» Кромѣ древности своей, онъ замѣчательнъ своею фигурой и орнаментами, коихъ отдѣлка обнаруживаетъ искусство мастера. Четыре его части изъ полоснаго, позолоченнаго желѣза, на концахъ украшены клеймами съ тремя лепестками, верхъ увѣчанъ короною съ крестомъ, также четвероконечнымъ. Изъ перекрестья выходящія лучи съ звѣздами, безъ сомнѣнія, знаменуютъ *солнце праведное*, Христа, какъ можно заключать изъ прмоса: «Вознесена ты видѣвши церковь на крестѣ, солнце праведное, «ста въ чинѣ своемъ, достойно зывающе: Слава силѣ Твоей Господи.» Вверхъ обращенный полумѣсяцъ при подножїи креста усянъ звѣздами.

Подобные кресты встрѣчаются на другихъ старинныхъ церквяхъ, съ тою только разницею, что въ клеймахъ ихъ нерѣдко помѣщалось распятіе Иисуса Христа или образъ Спасителя и даже Божіей Матери, какъ на наглавномъ крестѣ Казанскаго собора въ Москвѣ. Символическое жъ изображеніе полумѣсяца иногда бывало при подножїи креста. Какъ етому изображенію давали различное значеніе, то мы изложимъ здѣсь мнѣнія касательно сего предмета.

Согласно съ народнымъ мнѣніемъ, Церковный Словаръ объясняетъ рогатую луну подъ крестомъ «знаменіемъ «сверженія Татарскаго ига и торжества Христїанской вѣры надъ Исламизмомъ.» Другіе, въ томъ числѣ Леклеркъ, утверждаютъ, будто «Татары поставили рогатую луну по верхъ креста на колокольняхъ Русскихъ въ знакъ «побѣды.» Противъ этого приведемъ здѣсь возраженія Болтина: «о поставленїи Татарами рогатыя луны на «церквяхъ въ лѣтописяхъ читати мнѣ не случилось и обносящееся о семъ преданїе подлежитъ сумнѣнію; а чтобъ «луна поверхъ креста была поставляема, есть болѣе нежели сумнительно. Вѣроятноѣ заключимъ, что вошло то «въ обычай отъ нѣкогого кузнеца, придѣлавшаго къ нижней части креста рогатую луну для прикрасы и безъ «всякаго инаго намѣренія. И нынѣ во многихъ мѣстахъ подобные кресты дѣлають и на церкви ставятъ. Но «если бы случилось кому спросить у кузнеца, для чего онъ луну ко кресту придѣлазъ; конечно, не иное бы «въ отвѣтъ отъ него услышалъ: *такъ водится*, то есть такъ сдѣлазъ по примѣру прежнихъ кузнецовъ, коихъ «работу видитъ онъ ежедневно на старыхъ церквяхъ и колокольняхъ. Мнѣніе свое основываю я на томъ, что «если бы, въ самой вещи, Татары велѣли рогатую луну, въ знаменіе владычества своего, на церквяхъ ставить,

«то конечно бы не дозволили креста къ ней присовокуплять, тѣмъ паче поставлять крестъ надъ луною, такъ «какъ бы изъясняя тѣмъ преимущество Хрістіанскаго закона предъ Магометанскимъ; что Татара ни во что «принадлежательное до богослуженія и обрядовъ церковныхъ не мѣшались, но паче охраняли оныя и защищали.»

Болтинъ, опровергая несправедливое мнѣніе о лунѣ на крестѣ, какъ знаменіе Татарскаго владычества надъ Россією, въ то же время отвергаетъ символизмъ полумѣсяца, который издревле служилъ украшеніемъ общественныхъ зданій въ Византіи, съ X вѣка сталъ соединяться съ крестомъ; изображаемый былъ на монетахъ Византійскихъ и Франкскихъ государей. Подобный знакъ, перенесенный зодчими изъ Византіи въ Россію, не могъ быть произвольнымъ, незначущимъ украшеніемъ, но символическимъ. Утвержденіе полумѣсяца подъ наглавнымъ крестомъ, по сказанію Максима Грека, «установиши святія отцы наши.» Хрістіанское художество давало иногда языческимъ символамъ высшее, духовное значеніе, какое, какъ увидимъ далѣе, получилъ и полумѣсяцъ на главѣ церковной.

Что жъ касается до мнѣнія, что полумѣсяцъ подъ крестомъ означаетъ торжество Хрістіанской вѣры надъ Исламизмомъ, то оно, по свидѣтельству ученаго Святогорца Максима Грека, существовало на Руси въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, столь близкихъ къ эпохѣ сверженія Монголо-Татарскаго ярма съ Россіи.

Ето мнѣніе было бы вѣроятнымъ, еслибы не находилось подобныхъ фигуръ подъ крестомъ въ Греціи и даже въ Россіи прежде Татарщины. На Владимірскомъ Дмитріевскомъ соборѣ, сооруженномъ въ XII вѣкѣ, четвероконечный крестъ поставленъ съ полумѣсяцемъ при подножіи. Такъ на изображеніяхъ въ Menologium Graecorum XI вѣка и въ миниатюрахъ Греческихъ и Славянскихъ рукописей отъ X до XIII вѣка видимъ кресты съ полумѣсяцами. Максимъ Грекъ въ опроверженіе етого мнѣнія, написалъ сказаніе о томъ, что подъ крестомъ на церкви сооруженъ аки мѣсяцъ младъ. Еслибы ето не было извѣстно на Востокѣ и если бы получило начало только въ Россіи, Максимъ Грекъ не сталъ бы противъ етого вооружаться и не сказалъ бы о принимавшихъ такое мнѣніе: «невѣгласи сие глаголютъ;» потому что ето знаменіе полумѣсяца издревле употребительно было въ Византіи, извѣстно въ Аѳонскихъ монастыряхъ, и, безъ сомнѣнія, изъ православной Греціи перешло въ Россію. Вникая въ символизмъ церковнаго искусства, Максимъ объясняетъ фигуру полумѣсяца Греческою буквою ω , ψ , ϕ , σ , ω , какъ начальною слова $\omega\psi\phi\sigma\omega$, высота крестная, на которую привлекаетъ всѣхъ Сынъ Человѣческій, вознесенный отъ земли, подобно какъ Моисей вознесъ змію въ пустыни. Максимъ Грекъ утверждаетъ на сихъ словахъ Писанія свое мнѣніе: «И аще вознесетъ $\omega\psi\phi\sigma\omega$ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ» ⁽¹⁾. Къ етому толкованію Максимъ Грекъ присовокупляетъ другое, именно: какъ ω на греческомъ означаетъ число 400: то Спасъ крестомъ своимъ просвѣтилъ четыре страны сего міра. «Просвѣтившій земная крестомъ и разсѣянный по «тѣмъ странамъ языки собралъ къ себѣ крещеніемъ святымъ — четвертымъ убо числомъ четыре части міра «сего являютъ намъ св. отцы, а числомъ сотнымъ, совершеннымъ сущимъ, скажутъ намъ тайнѣ сокровенный «разумъ ста овецъ, отъ нихъ же заблудѣвшу едину изыдетъ пастырь добрыйъ възыскати ея и възыскавъ, обрѣте «ея крестомъ, сирѣчь распахнѣмъ своимъ и животворною смертію.» Сіе ученое толкованіе полумѣсяца, во всякомъ случаѣ любопытное и важное, заключимъ тѣми же словами, какими его заключилъ ученый и праведный Святогорецъ: «а могій болюи того, да просвѣтитъ насъ.» ⁽²⁾ Къ етому для соображенія присовокупимъ, что въ Апокаліпсисѣ явленіе жены, облеченной въ солнце, съ луною подъ ногами ея, какъ знаменіе Церкви, не служило ли также основаніемъ изображать подъ крестомъ полумѣсяцъ и писать на иконахъ Богоматерь съ луною при подножіи? ⁽³⁾. Кромѣ етого символа, верхъ крестовъ у древнѣйшихъ соборныхъ церквей въ Кіевѣ, Черниговѣ, Владимірѣ Кіяземскомъ осѣненъ былъ голубемъ, какъ знаменіемъ Св. Духа.

⁽¹⁾ Иоанн. XII. 32. ⁽²⁾ Книги Максима Грека, писан. полууст. въ XVII вѣкѣ, въ листѣ № (12) 287, въ Главномъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. ⁽³⁾ Апокаліпс. XII, 1.

Описывая этот крест на церкви Гребневскія Богоматери, не можем не замѣтить, что матеріалы и форма ихъ на Руси были разнообразны.

Кресты на церквахъ дѣлаемы были изъ дерева, желѣза, мѣди и даже изъ золота.

Имъ давали фигуру четверочастную, или четвероконечную, шестиконечную и осмиконечную, такъ что въ древности они употреблялись безъ предпочтенія одного другому и безъ различія, какое въ послѣдствіи имъ хотѣли дать. На концахъ креста, какъ видно изъ Стоглава, придѣлывались еще меньшіе кресты, кои онъ воспрещаетъ. Подобные кресты осѣняютъ нѣкоторыя древнія церкви не только въ Москвѣ, но и въ Новгородѣ. Когда Царь Іоаннъ Васильевичъ поставилъ на Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ золотой крестъ, тогда Московскій соборъ опредѣлилъ, по образцу онаго, дѣлать такіе и на прочихъ церквахъ. Этотъ образцовый крестъ былъ четверочастный съ полумѣсяцемъ при подножій, кромѣ околичностей въ орнаментахъ, — такой, какой на церкви Гребневскія Богоматери. Въ 1812 году, Наполеонъ, полагая, что крестъ на Иванѣ Великомъ золотой, велѣлъ его свять съ тѣмъ, чтобы водрузить на церкви, которую онъ намѣревался выстроить противъ Лувра; но онъ обманулся въ своемъ ожиданіи. Крестъ устроенъ былъ изъ желѣза и мѣди. Послѣ выхода непріятелей изъ Москвы, долго его не находили; полагали, что крестъ ими увезенъ, какъ трофей; напослѣдокъ онъ отысканъ въ развалинахъ Філаретовской колокольни изломаннымъ. Возобновленный онъ поставленъ на прежнемъ мѣстѣ.

Въ послѣдствіи въ устройствѣ крестовъ допущены отступленія. вмѣсто четверочастныхъ, стали дѣлать шестиконечные и осмиконечные съ чебышками на верхней перекладинѣ, полумѣсяцъ замѣнили косою досочкой или пояскомъ.

На концахъ креста стали придѣлывать по три Херувима, какъ на крестѣ купола Московской церкви Св. Николая Чудотворца въ Хамовникахъ; средокрестіе иногда украшали гривною или цатою, какая видна и на тѣльныхъ крестахъ съ XVI вѣка. Верхніе крестовъ надъ тѣми храмами, кои были сооружаемы Царями, увѣнчивались коронами.

Въ самой Москвѣ, на главахъ старинныхъ церквей и колоколенъ кресты не одинаковы; нерѣдко на куполахъ одной и той же бываютъ то четверочастные, то осмиконечные, иногда съ тремя меньшими крестами на концахъ. Сколь разнообразенъ ихъ составъ, столь разнообразны и орнаменты, такъ что собраніе снимковъ съ древнѣйшихъ наглавныхъ крестовъ въ Россіи могло бы составить любопытные и драгоценные предметы для художества и Археологій. Но при всемъ многообразіи побочныхъ орнаментовъ, кои состояли изъ звѣздочекъ, цвѣтковъ, лепестковъ, листовъ и узоровъ, главные части креста сохранялись ненарушимо, нерѣдко съ ихъ символическими изображеніями: то полумѣсяца, то двуглавыхъ орловъ, какіе находятся на концахъ полумѣсяца у креста Московскихъ церквей Св. Георгія въ старыхъ тюрьмахъ, или лучникахъ, и Введенія, что у Калужскихъ воротъ.

Государыня ИМПЕРАТРИЦА Александра Ѳеодоровна, въ 1835 году, обративъ Высочайшее вниманіе на кресты Московскихъ церквей, изъявила желаніе Г. Попечителю Московскаго Дворцоваго Училища, видѣть изображеніе нѣкоторыхъ крестовъ въ подробностяхъ на бумагѣ; вслѣдствіе таковой Высочайшей Ея Величества воли, воспитанниками Училища были составлены вѣрные снимки и поднесены Августѣйшей Почитательницѣ Отечественныхъ Древностей.

Въ заключеніе сего замѣтимъ, что, по Третьяку Петра Могилы, поставленіе креста на верху крова новосозданной церкви сопровождалось особеннымъ священнодѣйствіемъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ СТАКАНЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I,

ЛЕФОРТА И КНЯЗЯ РОМОДАНОВСКАГО.

Этотъ серебряный чеканный стаканъ, или стопка съ обронными изображеніями Петра I и его сподвижниковъ, Князя Ромодановскаго и Лефорта, принадлежитъ почтенному ревнителю отечественнаго просвѣщенія, извѣстному своими пожертвованіями въ пользу науки и отечества, Платону Васильевичу Голубкову. По своему отношенію къ художеству и историческому знаменованію, сія утварь представляетъ намъ случай коснуться вообще употребленія и значенія подобнаго рода сосудовъ въ семейной и государственной жизни.

Когда еще въ Россіи мало былъ извѣстенъ и употребителенъ рухлой хрусталь и хрупкій фарфоръ, тогда сосуды дѣлались изъ дерева, или изъ благородныхъ металловъ, кои доставляли ей торговля и промышленность, а потому уже отечественная земля. Всѣ столовые и путевыя или походныя утвари, кубки, стопы, стаканы или достоканы, братины, кружки, ковши, блюда въ старину извѣстны были подъ названіемъ *судовъ* или *судовъ*, т. е. сосудовъ (*). Въ семейной жизни обычай, въ государственной обрядность давали имъ особенное назначеніе и важность. Завѣтные кубки, стопы, чары и т. п., переходили въ наслѣдіе отъ предковъ къ потомкамъ, хранились въ домашнемъ быту, какъ родовая драгоценность, украшали праздничныя столованья, гдѣ пили изъ нихъ за здравіе. Иностранцы путешественники по Россіи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ описываютъ намъ Царскіе торжественные столы въ Москвѣ, кои гнулись подъ тяжестью серебряной и золотой посуды. Нерѣдко запечатлѣвались утвари надписаніями употребительныхъ формулъ: *Чаша, братина, чарка добра челоуѣка, а пѣти изъ нее на здравіе, моля Бога, хвала Государя, или моля про Государево многочисленое здравіе* — или именемъ владѣльца, или нравственнымъ какимъ-либо изрѣченіемъ, особенно слѣдующимъ: *Чару пѣти, здраву быти, другую пѣти, умъ обвеселити, утроити, умъ устроить, учетверити, умъ погубити, много пѣти, безъ ума быти*. Въ духовныхъ грамотахъ Великіе и Удѣльные Князья, Государи, Бояре и Святители отказывали такія утвари потомкамъ на память о себѣ. Царственная обрядность давала жалованнымъ сосудамъ значеніе наградъ за усердное радѣнье, за вѣрную службу, дородство и за храбрость въ битвахъ, за походы, осадное сидѣнье и вообще за доблести военныя и гражданскія. Кубки, стопы и ковши серебряные и золотые тогда имѣли такое-же значеніе, какое въ послѣдствіи получили награды перстнями, часами и табакерками, даже орденами.

Многіе примѣры тому найдемъ въ отечественной исторіи; изъ нихъ приведемъ два. По взятіи Казани въ 1552 году, Царь Іоаннъ Васильевичъ жаловалъ золотыми и серебряными фряжскими кубками и ковшами отъ Митрополита до простаго воина, ознаменованнаго славною раной, или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ. По взятіи Дербита, а съ нимъ двадцати городовъ, побѣдоносный Іоаннъ въ Александровской слободѣ 1558 г. изъ

(*) Выходы Царей Михаила, Алексія и Осодора. М. 1814 г.

СТАКАНЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ ПЕТРА I. ЛЕФОРТА И КНЯЗЯ РОМОНАНОВСКАГО.

на отоманъ вѣнчана.

собственных рук жаловалъ своимъ воеводамъ кубки. ⁽²⁾ Также перѣдко Цари посылали своихъ стряпчихъ къ городovýmъ воеводамъ «съ милостивымъ словомъ и своимъ государевымъ жалованьемъ,» которое состояло изъ серебряныхъ или золотыхъ судовъ и т. п. ⁽³⁾.

Въ числѣ даровъ Государямъ пныхъ Государствъ, ихъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ первое мѣсто занимали серебряные и золотые суды, какіе также подносымы были ими Московскому Царю. Котошихинъ, описывая намъ, въ XVII вѣкѣ, приемы иностранныхъ пословъ, между прочимъ Крымскихъ, Ногайскихъ, Калмыцкихъ, говоритъ, что они, выпивъ ромашю и медъ, брали суды къ себѣ и клали запазуху, подъ тѣмъ предлогомъ, что, «когда де Царь пожаловалъ ихъ питьемъ, и тѣмъ судамъ годится быти у нихъ же.» Но Царь не велѣлъ отнимати у нихъ тѣхъ судовъ, потому что «спороваться съ бусурманомъ въ стыдѣ.» И для такихъ безстыдныхъ пословъ, замѣчаетъ Котошихинъ, дѣлають, нарочно въ Англицкой землѣ, сосуды мѣдные посеребрённые и позолоченные.

Кромѣ того, кубки и стаканы жалованы были Царямъ Всероссийскимъ Митрополитамъ и Патриархамъ за служеніе во дни великихъ праздниковъ и тезоименитствъ. Дары сіи давались и при врученіи ихъ говорилъ рѣчь Казначей. Такъ напр: за служеніе Митрополита Діонисія въ праздникъ Пасхи и на память Св. Великомученика Θεодора Стратилата, въ 1585 году, Царь Θεодоръ Іоанновичъ пожаловалъ Святителю кубокъ орѣхъ Индѣйскій, окованный серебромъ золоченнымъ. Рѣчь говорилъ и даръ являлъ Казначей Демешка Івановичъ Черемисновъ, а рѣчь была:

«Асу, Преосвященный Деонисій, Митрополитъ всея Руссиі, Государь Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичъ всея Руси велѣлъ тебѣ говорить: сего дни еси у праздника у Пречистыя Богородицы служилъ «за торгѣю Божью и о нашемъ здравье и о нашей Царице, Великой Княгине Прише и о всѣхъ православныхъ «хрестіанехъ Бога молилъ, и Государь Царь и Великій Князь дарить тебя.» Подобныя рѣчи говорены были при явленіи Царскихъ даровъ Патриархамъ. Перѣдко за кубокъ выдавалось 9 рублей денегъ изъ Большаго приходу. ⁽⁴⁾

Съ нѣкоторыми только отнѣсами подобныя рѣчи сказывались дьяками людямъ другихъ чиновъ, когда имъ вручаемы были Царскіе дары: кубки, ковши и т. п. Иногда на самой посудѣ изображались гербы, или Царскіе портреты, въ надписяхъ изчислены были доблести и заслуги, за кои она была жалуема. Удостоенные такого дара, именовались *жалованными* людьми. Подобныя надписи могутъ служить дополненіемъ нашей Исторіи и вмѣстѣ матеріаломъ для Русской Епиграфики.

Жалованный Царемъ кубокъ, стаканъ или ковшъ, составляя украшеніе на именинныхъ и праздничныхъ столахъ, занималъ на нихъ почетное мѣсто, изъ него пили за здравіе Царя и хозяина. Переходя отъ дѣдовъ къ внукамъ, какъ завѣтное родовое наследіе, какъ драгоцѣнное свидѣтельство объ отличіи предка, онъ составлялъ семейную святыню. Въ день вѣчанія на Царство и бракосочетанія Государей, въ ихъ именины, при рожденіи дѣтей Царскихъ, на свѣтлой недѣлѣ, обыкновенно гости и торговые люди являлись въ верхъ т. е. во дворецъ съ *приносомъ*, съ подарками, кои состояли изъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, соборей и дорогихъ тканей.

Отъ значенія сихъ утварей въ древнемъ быту Русскаго народа обратимся къ Голубковскому стакану.

Ни надпись, ни преданіе намъ не говорятъ, къ жалованнымъ, или памятнымъ онъ принадлежитъ. Изображенный здѣсь стаканъ, съ портретами Петра Великаго, Князя Ромодановскаго и Лефорта. Во дни его вставленъ серебряный позолоченный рубль Петра I, 1705 года. По етому можно бы заключать, что означенный сосудъ устроенъ по какому нибудь особенному случаю или современникомъ, или ревностнымъ чителемъ Петра I и его сподвижниковъ, одного противоположнаго другому. Извѣстно, что Князь Кесарь Ромодановскій, Начальникъ

⁽²⁾ Карамз. II Г. Р. VIII. 196, 285. ⁽³⁾ Повседневныхъ дворцовыхъ записокъ временъ Царей Михаила Θεодоровича и Алексія Михайловича, ч. I. М. 1769. вѣ 4. ⁽⁴⁾ Книга казеннаго двора расходная вещей при Царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ вѣ 7093 (1584 и 85). № 1236.

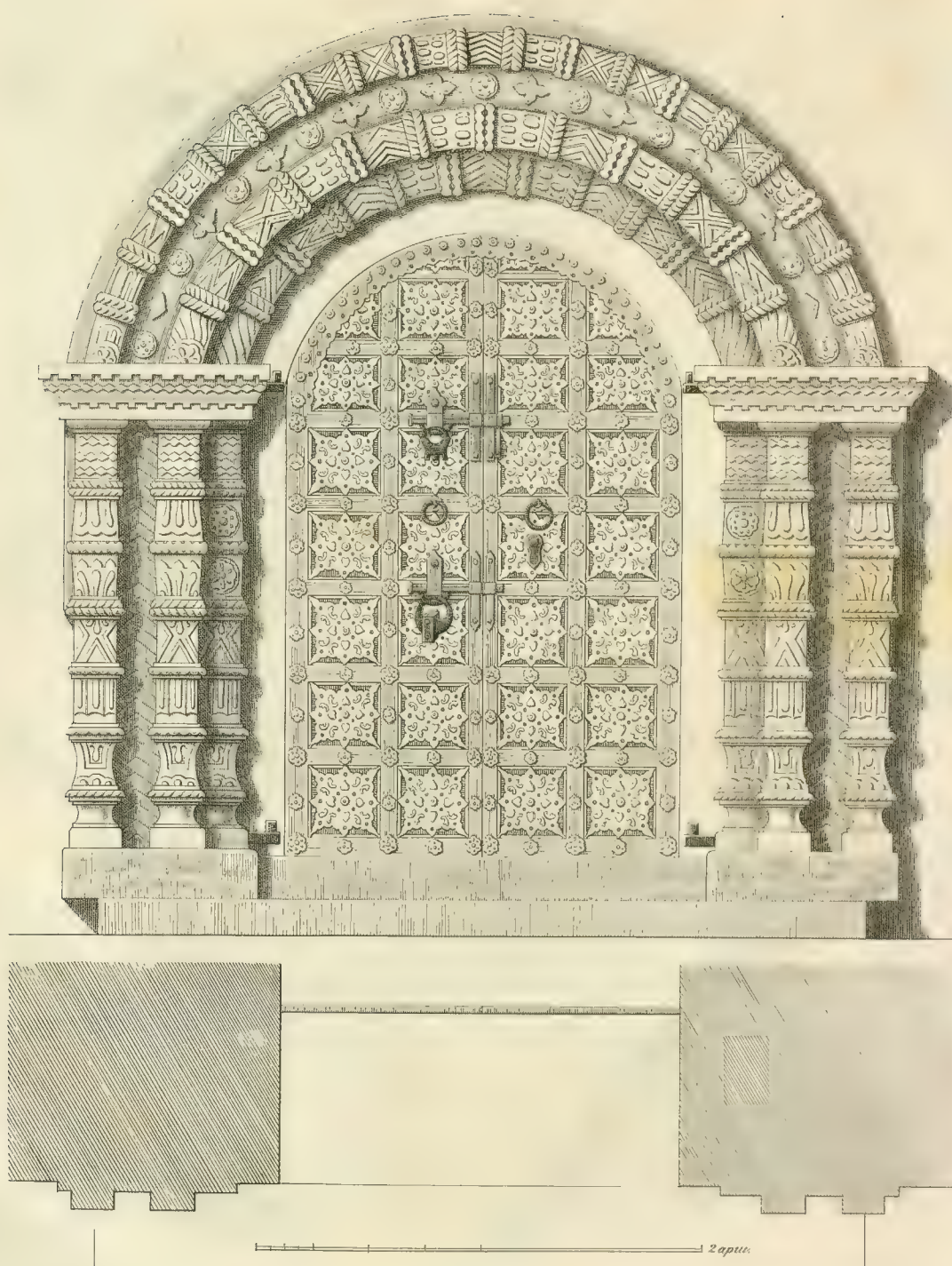
Преображенскаго приказа, производилъ Петра I во всѣ чины; онъ держался строго старинныхъ обычаевъ; руководитель Преобразователя Россіи, Лефортъ былъ явнымъ врагомъ старыхъ предрассудковъ и виновниковъ многихъ въ ней нововведеній.

Кто изъ читателей Исторіи Петра I не знаетъ о кубкѣ *орлы*; провинившіеся должны были опорожнить этотъ бокалъ, вмѣщавшій въ себѣ около трехъ бутылокъ вина. На пиршествахъ у Кесаря Ромодановскаго, послѣ охоты, (въ коей участвовалъ самъ Царь, впрочемъ непобившій ее), часто переходили завѣтные кубки съ виномъ изъ рукъ въ руки. ⁽⁵⁾

Если взять въ соображеніе годъ рубля 1703, то стаканъ сдѣланъ послѣ смерти Лефорта, скончавшагося 1699 года и при жизни Ромодановскаго, умершаго 1730 года. Вокругъ изображенія Петра I вырѣзано: *Петръ первый Импе. все. роси.* вокругъ портрета Ромодановскаго: *Князь Кесарь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій*, а у третьяго: *Францъ Яковлевичъ Лефортъ*. Извѣстно, что Петръ I нерѣдко жаловалъ рублевиками именниковъ и родильницъ и они хранились въ числѣ семейныхъ сокровищъ: могло статься, кто либо изъ его современниковъ, удостоенный такого дара изъ рукъ самаго Государя, или наслѣдникъ его, желая соблюсти эту достопамятность въ родѣ своемъ, вставилъ ее во дно стакана, который служилъ застольною, *здравною чашею*. Замѣчательно здѣсь, что рубль лицевою стороною, представляющей изображеніе Петра I, обращенъ внутрь стакана, какъ бы для того, чтобы выпившій вино до дна, могъ видѣть ликъ Государя ⁽⁶⁾. Какъ бы то ни было, ни рубль, ни портреты не опредѣляютъ въ точности времени устроенія этой утвари.

Если описываемый нами стаканъ есть ничто иное, какъ подражаніе, или воспроизведеніе стариннаго: то онъ, вводя насъ въ древній бытъ и обиходъ Русскаго народа, напоминаетъ великое имя Петра I и двухъ любимыхъ его сотрудниковъ. Поддѣлки подъ старину, хотя не могутъ вполне замѣнить подлинниковъ, по съ одной стороны обнаруживаютъ сочувствіе въ народѣ къ отечественной древности, съ другой показываютъ смѣтливость русскаго промышленника, съ какою онъ пользуется обстоятельствами времени и господствующимъ вкусомъ.

⁽⁵⁾ Словарь достопамятныхъ людей земли Русской, IV. ⁽⁶⁾ На серебряной рюмкѣ, хранящейся у Князя М. А. Оболенскаго, на чеканнхъ клеймахъ изображены Князья Матвій Венедиктовичъ и Венедиктъ Андреевичъ Оболенскіе, а на поддонѣ вырѣзано имя владѣльца: Кн. Михаила Матвѣев. Оболенскаго.

НАРУЖНЫЙ ЗАПАДНЫЙ ВХОДЪ ВЪ ЦЕРКВИ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА,

Что въ старыхъ садахъ, въ Москвѣ.

НАРУЖНЫЙ ЗАПАДНЫЙ ВХОДЪ

ВЪ ЦЕРКВИ БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА,

ЧТО ВЪ СТАРЫХЪ САДѢХЪ, ВЪ МОСКВѢ.

Входныя западныя ворота сія украшаютъ церковь во имя Св. Благовѣрнаго Князя Владимира, сооруженную въ садѣхъ на Москвѣ, по повелѣнію Великаго Князя Василія Іоанновича, въ 1515 году, Алевизомъ Фрязинымъ. (¹) Хотя древняя церковь сія неоднократно горѣла и, послѣ пожаровъ, была передѣływася; но первоначальная ея основа, а равно изображенныя здѣсь врата сохранились въ теченіи 335 лѣтъ. Великолѣпіемъ своего устройства онѣ соотвѣтствуютъ первобытному своему названію *красныхъ*, какое давалось однимъ изъ вратъ ветхозавѣтнаго храма въ Іерусалимѣ. *Дяли. Апост.* III, 2. Согласно съ планомъ и мѣстностію Владимірскаго храма, врата составляютъ главный входъ этой церкви, возвышающейся на холмѣ.

По своей древности и красивости, врата сія достойны вниманія въ цѣломъ и частяхъ. Двойныя пилястры на обѣихъ сторонахъ пролета, украшенныя частыми поясками изъ разнообразныхъ астрагалей, поддерживаютъ карнизъ пмпоста въ восточномъ вкусѣ, пспешреннаго зубчикамъ и бусамъ. Самый ихъ архивольтъ составленъ изъ полуваляковъ съ жгутикамъ; на полувалякахъ и раздѣлахъ между ними вытиснены различныя узоры, розетки и т. п. Сколь въ украшеніи здѣсь обнаруживается роскошь съ причудливостію Востока, столько въ самой отдѣлкѣ отчетливость и ловкость мастера. Всѣ сія орнаменты изъ лекальнаго тисненаго кирпича, а не изъ бѣлаго камня, изъ какаго обыкновенно дѣлали подобныя въ другихъ древнихъ церквахъ.

Рисунокъ спихъ входныхъ дверей отчасти сходенъ съ вратами Благовѣщенскаго и Архангельскаго соборовъ. По видимому, зодчій и лѣйщикъ употребили все свое искусство на украшеніе сего входа въ храмъ, коимъ вступали въ него Цари наши, начиная съ Великаго Князя Василія, тезоименитаго Равноапостольному Владимиру, по его Хрістіанскому имени Василія.

Двѣ половинки или створы въ пролетѣ замѣчательны не только по особенной прочности, но и по искусству работы. Онѣ кованы изъ котельнаго желѣза и связаны шестью вертикальными и осьюю горизонтальными полосамъ, кои образуютъ квадраты; въ нихъ вставлены на листахъ слюды рельефныя звѣздчатыя бляхи, теперь окрашенныя зеленою краскою. Четыре крюка въ столбикахъ и пмпостѣ показываютъ, что прежде здѣсь были другія еще двери, охранявшія храмъ отъ татей и пожаровъ.

(¹) Софійскій временникъ, II, 295, 355.

ДВЕРЬ И ОКНО ЦЕРКВИ

УСПЕНИЯ БОЖІЕЙ МАТЕРИ,

ЧТО ВЪ СТАРЫХЪ ПЕЧАТНИКАХЪ, ВЪ МОСКВѢ.

Изображенныя здѣсь окно и дверь съ архивольтомъ и сандрикомъ составляютъ принадлежности церкви Успенія Божія Матери, что въ Печатникахъ, а прежде въ Печатной слободѣ, у Срѣтенскихъ воротъ, гдѣ поселены были Московскіе печатники, или какъ ихъ называли въ XVIII столѣтіи, «книжнаго печатнаго дѣла, также «Фряжскаго дѣла мастеровые люди.» (1) Церковь сія, сооруженная въ томъ же столѣтіи, неоднократно горѣла и была возобновлена; но стѣны ея сохранились вмѣстѣ съ первоначальными орнаментами, кои обращаютъ на себя вниманіе стилемъ своимъ. Не только въ Русскомъ, но и въ Славянскомъ мѣрѣ зодчіе, подъ вліяніемъ византійско-ломбардскаго стиля, любили украшать окна и входныя двери храмовъ Божіихъ узорчатыми произведеніями ваянія, выстѣнками на сандрикахъ и архивольтахъ. Сколько цѣлью ихъ было придать все возможное великолѣпіе дому Божію, столько смягчить орнаментами пустоту, какую представляли въ зданіи отверстія для свѣта и входа, вмѣстѣ съ тѣмъ сгармонизировать части съ цѣлымъ. (2) Для сего они украшали входы выстѣченными изъ камня наличниками, тягами, архивольтами, тамъ мысообразными, здѣсь въ видѣ дугъ, въ одинъ и нѣсколько рядовъ, импостами и пилястрами; окна увѣнчивали разнообразными сандриками, обставивъ ихъ наличниками или пилястрами, кои утверждались на подоконникахъ, съ сережками, или безъ сережекъ. Въ такихъ орнаментахъ преобладали, въ одномъ вѣкѣ и мѣстѣ византійскій, въ другомъ, ломбардскій, мавританскій и переходный стиль. Въ древности сандрики обыкновенно вырубались изъ бѣлаго камня, потомъ дѣлались изъ лекальнаго кирпича и лѣпные.

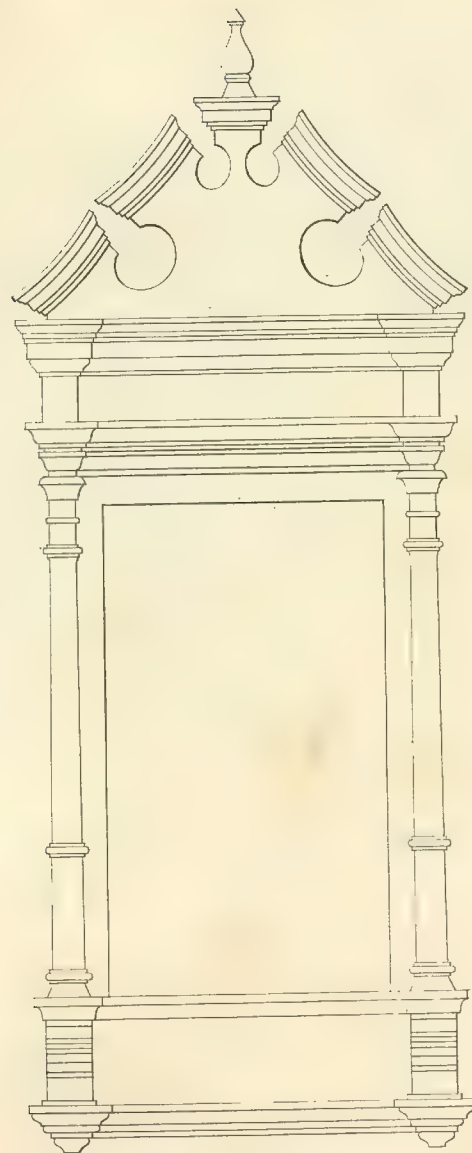
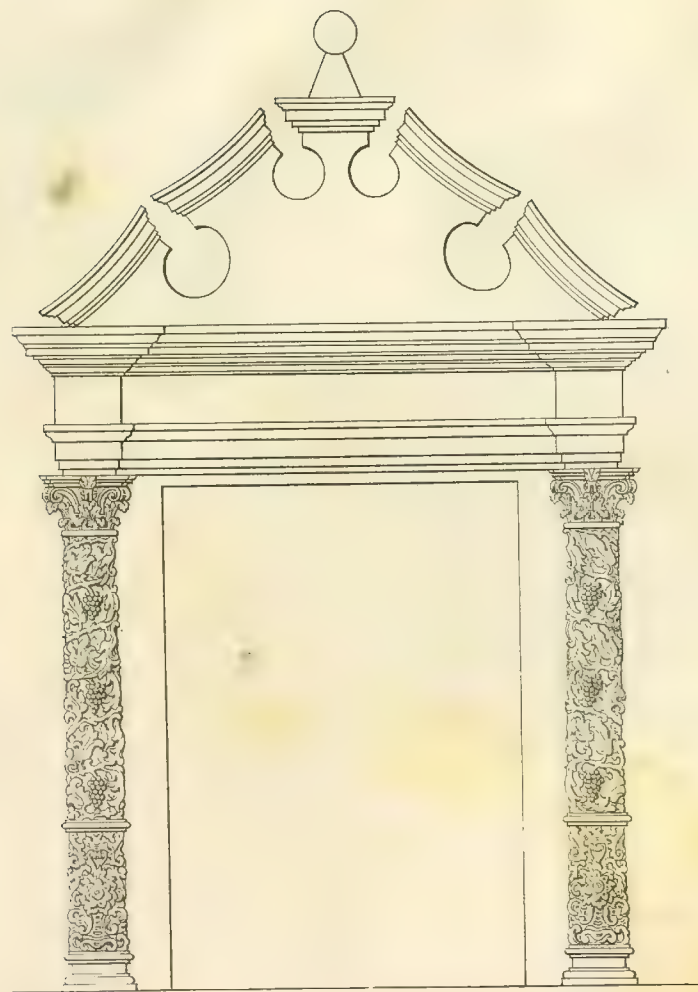
Сличая сандрики и архивольты надъ окнами и дверьми старинныхъ церквей въ одномъ даже вѣкѣ, нельзя не замѣтить удивительнаго разнообразія: однимъ изъ нихъ дана фигура щипцовъ, или кокошниковъ, другимъ видъ треугольниковъ, или разрывныхъ фронтоновъ, кои соответствовали дугообразнымъ перемышкамъ въ окнахъ и дверяхъ, равно характеру цѣлаго зданія. Въ среднихъ ихъ помѣщались ренны, или кресты.

Еслибъ снять всѣ роды такихъ архитектурныхъ орнаментовъ въ одной Москвѣ: то открылось бы все ихъ разнообразіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замысловатость и причудливость зодчихъ, досужество и ловкость каменныхъ мастеровъ.

Чтожъ касается до предлагаемыхъ здѣсь сандрика и архивольта изъ бѣлаго камня на церкви Успенія Богоматери въ Печатникахъ, то одинъ съ гладкими наличниками и разрывнымъ фронтономъ, а другой съ такимъ же фронтономъ, на двухъ колоннахъ съ капителями и базами, украшенныхъ весьма искусно виноградными гроздями. Судя по размѣрамъ карнизовъ и разрывнымъ фронтонамъ, орнаменты сіи сдѣланы подъ вліяніемъ Голландской архитектуры, которая въ концѣ XVII вѣка стала распространяться на Москвѣ нѣмецкими и голландскими архитекторами. Русскіе не соблюдали такой строгой соразмѣрности и болѣе выводили сандрики кокошниками, или теремками съ мысообразными и дуговидными верхами.

(1) Сборникъ, писан. на бумагѣ скорон. XVII вѣка, въ 4, въ библиот. Г. Строева. Книга Патриаршаго приказа, 7158 г.

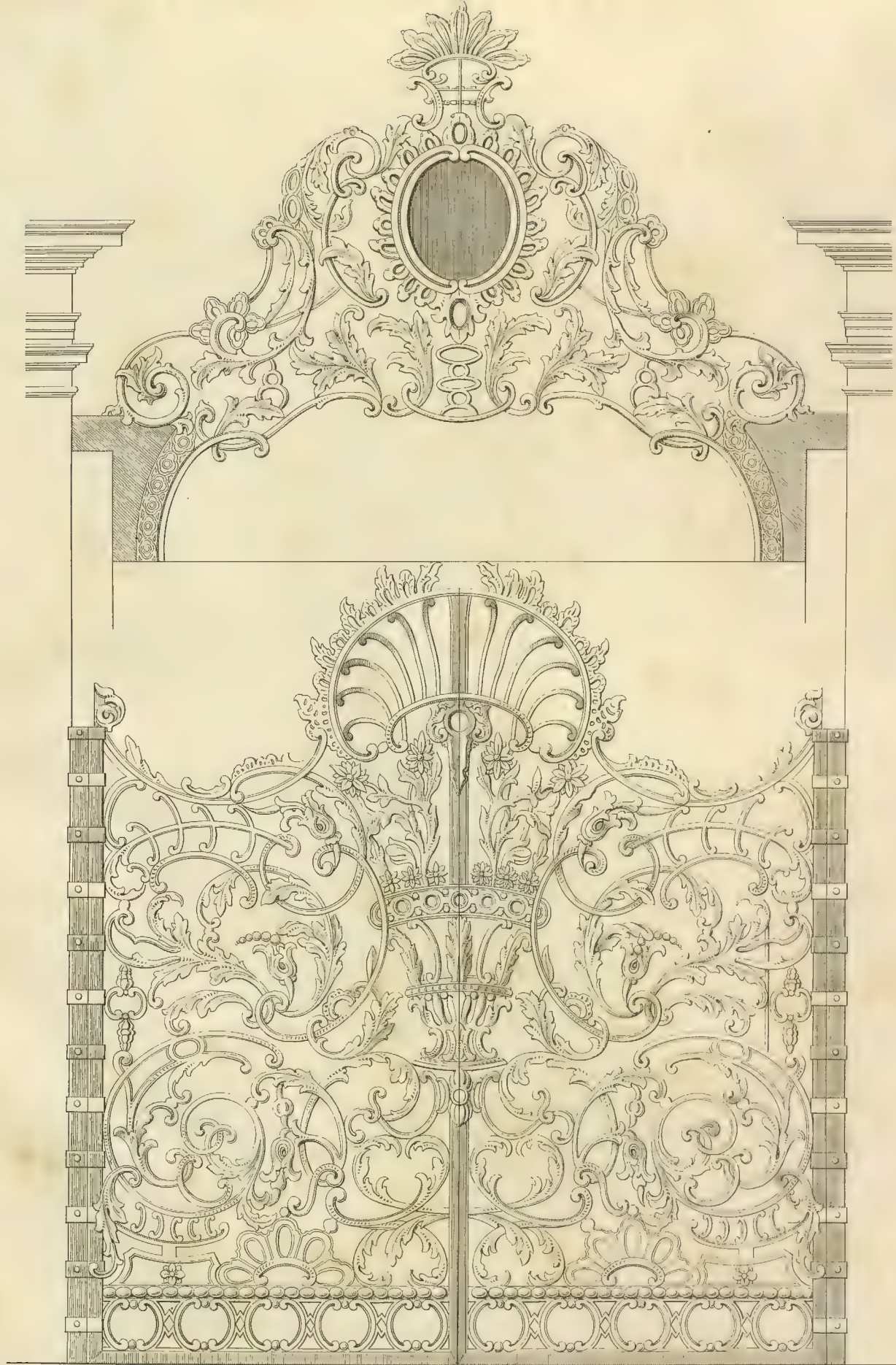
(2) Histoire de l'art monumental dans l'antiquité et au moyen âge, par L. Batissier, à Paris, 1845, in 8.

2 арш

ДВЕРЬ И ОКНО ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ БОЖІЯ МАТЕРИ, ЧТО ВЪ ПЕЧАТНИКАХЪ

въ Москвѣ.

ЧУГУННЫЕ ВОРОТА НА ПАПЕРТИ ВВЕДЕНСКОЙ ЦЕРКВИ,
что у Насуровых ворот во. Москв.

ЧУГУННЫЕ ВОРОТА НА ПАПЕРТИ

ВВЕДЕНСКОЙ ЦЕРКВИ,

ЧТО У КАЛУЖСКИХ ВОРОТЪ.

Великобѣнные сіи створчатые дѣра съ фрамугою изъ чугуна толщ. въ $\frac{3}{4}$ дюйма украшаютъ входъ въ притворъ церкви Введенія Божія Матери, нынѣ извѣстной подъ именемъ Казанской у Калужскихъ воротъ, построенной, какъ видно изъ церковной вѣдомости, отъ Стрѣльцовъ въ 1695 году. Намъ неизвѣстно, когда и кѣмъ сіи дѣри устроены, но стиль ихъ относится къ половинѣ XVIII вѣка. Въ рисунокъ ихъ проявляется замысловатость и вкусъ художника, который, въ родѣ рококо, такъ сплелъ цвѣты и листья въ рѣшеткѣ, что она представляетъ узорочную и пріятную для глазъ картину. Во фрамугѣ помѣщено клеймо для герба, увѣнчанное вязями травъ и цвѣтовъ. Какъ на этихъ воротахъ нѣтъ ни крестовъ, ни другихъ символовъ Церкви, какими обыкновенно ознаменованы подобныя произведенія, словомъ, они не имѣютъ характера церковнаго: то съ достовѣрностію можно полагать, что сіи ворота сперва были устроены для дома, потомъ приделаны къ церкви. Недалеко отсюда находился домъ Демидова, что нынѣ Серпуховскій Частный домъ.

Судя по другимъ рѣшеткамъ и воротамъ Демидовскаго завода, украшающимъ ограды и притворы нѣкоторыхъ церквей въ Москвѣ, можно предполагать, что и сіи ворота сдѣланы на томъ же заводѣ, и пожертвованы имъ въ церковь, какъ прихожаниномъ.

СТУЛЬ ВЪ ЦЕРКВИ

УПРАЗДНЕННОГО ИВАНОВСКАГО МОНАСТЫРЯ,

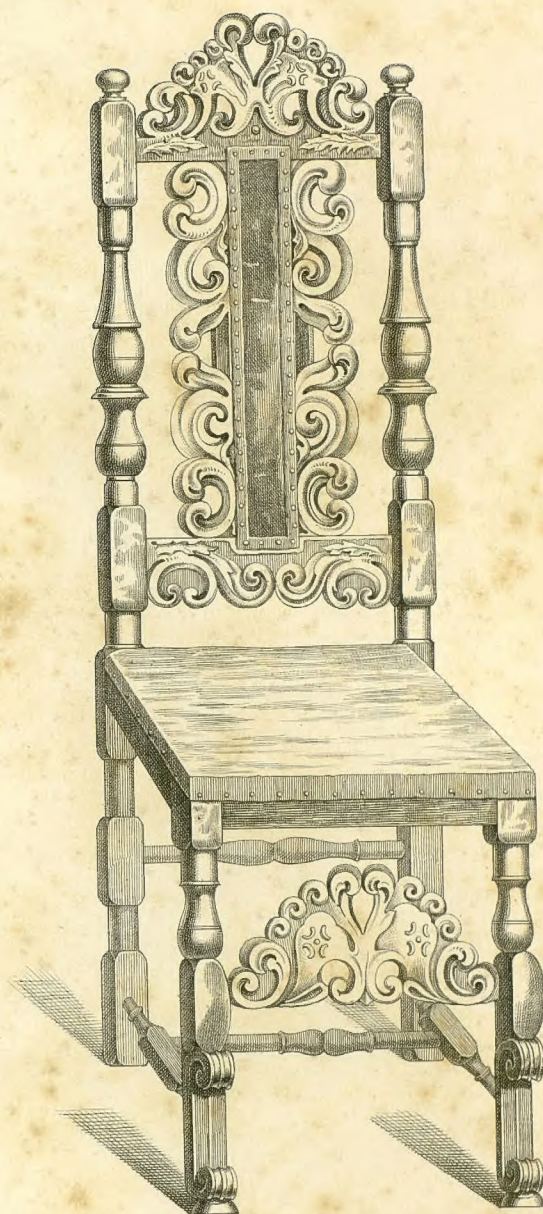
ВЪ МОСКВѢ.

Представленный здѣсь дубовый стулъ въ церкви упраздненнаго Ивановскаго монастыря даетъ намъ понятіе о старинныхъ стульяхъ, конхъ стило подражаетъ теперь столярное искусство, такъ равно и о первоначальномъ значеніи сей утвари не только въ жизни народной, но и въ государственной и даже религіозной.

Въ устройствѣ сего стула обнаруживается прочность и удобство, въ украшеніи же рѣзбою изъ липоваго дерева—затѣйливость, свойственная старинѣ: спинка или пальцы его и подушка обиты черною кожей, приколоченною къ дереву мѣдными гвоздиками со шляпками; ножки его точены; между ими рѣзный орнаментъ. Такіе стулья прежде составляли рѣдкую мебель въ Царскихъ чертогахъ и боярскихъ палатахъ; теперь они, замѣненные мебелью въ новѣйшемъ вкусѣ, перенесены въ нѣкоторыя церкви, гдѣ обыкновенно ставятся въ алтарѣ на правой сторонѣ у горняго мѣста, для священника.

Самое названіе стулъ (*Stuhl*), повидимому, показываетъ Нѣмецкое его происхожденіе; но оно однородно съ Славянск. *столъ*, Греческ. *stuele* столъ, и Литов. *stalas*; по сему въ старинномъ языкѣ *столъ* употреблялось, вмѣсто престола. Въ отечественныхъ лѣтописяхъ и грамотахъ *столъ* нерѣдко принимается, какъ принадлежность высшей власти духовной или свѣтской; отсюда *столъ Великокиѣвскій, Архіепископскій, Патриаршій, столный градъ, столица*, гдѣ утверждёнъ былъ столъ или престолъ Господаря, или Святителя. Въ древнихъ Славянскихъ рукописяхъ не рѣдко *столъ* встрѣчается, какъ принадлежность судей, вельможъ и первосвященниковъ, а *престолъ*, какъ достояніе Бога и Царя. Въ Скорининской Библии тамъ, гдѣ въ принятомъ нашею Церковью переводѣ поставлено *престолъ*, употреблено *кресло*, какъ на пр: *I Царствъ*, к. IX: «сѣдаше (Илій) на креслѣ «прямо пути — спадѣ съ кресла.» Въ Германіи нѣкогда *стулъ* королевскій, (*Koenigstuhl*) стоялъ на открытомъ полѣ; въ различныхъ ея странахъ есть мѣста, кои называются: *Landstuhl, Fürstenthuhl, Земскій стулъ, Княжескій стулъ*. Такъ о королевскомъ стулѣ (*Koenigstuhl*) въ Швабіи упоминаетъ одинъ документъ, приведенный у Гримма, 1185 года. Шведскій *Koningsstol* находится близъ Упсалы. (1) Такіе стулья, по большей части, были ничто иное, какъ камни, подобные тому, какой перевезенъ изъ Шотландіи Англичанами въ Вестминстеръ.

(1) Deutsche Rechtsalterthümer, von J. Grimm, Götting. 1828, in 8.

— 1/2 арш. —

СТУЛЪ ВЪ ЦЕРКВИ УПРАЗДНЕННАГО ИВАНОВСКАГО МОНАСТЫРЯ,
въ Москвѣ.

2007058360